

Глава 50. Оглушительное прозрение

— Брат Чу, я ведь и вправду хотел устроить тебе сюрприз, а не обманывать нарочно! Ну прости меня на этот раз, а? — Чжан Вэньхай униженно семенил за Чу Цы, пока тот наконец не сменил гнев на милость.

Получив звание сюэца, Вэньхай немного расслабился. Он возобновил общение со старыми приятелями, с которыми не виделся до экзаменов, и теперь целые дни пропадал на дружеских встречах. Хотя он и не смел предаваться пьянству, но покататься на лодке по озеру или полюбоваться цветами вполне себе позволял.

Отец Чжан, поначалу не желавший его трогать из уважения к новому статусу, глядя на такое поведение, засомневался, дотянет ли сын вообще до годового экзамена в следующем году, не говоря уже о провинциальном экзамене через три года. Изначально он не планировал записывать его на экзамены по особому случаю в этом году, прекрасно понимая, что звание сюэца тот получил по счастливой случайности. Но поведение сына перешло все границы, и старик решил, что за ним нужен присмотр. Так он и записал его в уездное училище.

Тот, впрочем, был только рад. Он и сам понимал, что его старые друзья — собутыльники, которым он нужен лишь потому, что щедро платит по счетам. Но разве это имело значение? Он ведь тоже не вкладывал в это общение душу, просто покупал себе компанию.

Совсем другое дело — Фан Цзиньян и Чу Цы. Фан Цзиньян был его лучшим другом, а Чу Цы — одновременно и наставником, и другом, к которому он питал глубокое уважение. Он был уверен, что Цзиньян чувствует то же самое.

Возможность учиться с Чу Цы в одном училище казалась ему благословением, заслуженным в прошлой жизни. Теперь он лишь молился, чтобы время шло помедленнее, и в апреле его одного не оставили в классе Бин.

После церемонии открытия наступил полдень. Чу Цы забрал Чу Сяюаня и Чжунли Юя из Заведения для начинающих учеников и сразу повёл их в столовую.

— Брат Чу, сюда! — помахал им Чжан Вэньхай.

Они подошли и увидели стол, уставленный несколькими блюдами, которые своим видом и ароматом разительно отличались от стандартной еды из столовой.

— Почтенный брат Кочжи, ты что, тайком выходил из училища? — нахмурившись, спросил Чу Цы.

После церемонии официально начались занятия, и покидать училище можно было только с разрешения учителя, получив специальный пропуск. Отпроситься разрешалось не более двух

раз в месяц, и лишь в исключительных случаях делали поблажки.

— Да как ты мог подумать? Брат Чу, только не говори, что ты так давно здесь учишься и не знаешь, что в столовой можно заказывать еду за отдельную плату, — удивился Чжан Вэньхай.

— А? — опешил тот и, покопавшись в памяти прежнего владельца тела, понял, что тот действительно этого не знал. Он всегда брал своё блюдо категории Бин, уходил в какой-нибудь павильон или рошу и ел, одновременно читая книгу.

— Думаешь, все такие же обжоры, как ты? Ешьте быстрее, пока кто-нибудь из учителей не пришёл. Ещё сочтёт нас бездельниками, предающимися роскоши, — вмешался проницательный Фан Цзиньян. Он сразу всё понял: семья Чу Цы была в нужде, откуда ему было знать о таких излишествах?

Чжан Вэньхай не понял, как вкусная еда связана с роскошью и праздностью, но он привык слушать Фан Цзиньяна. Поэтому он тут же пригласил друзей и мальчиков сесть, разложил всем еду по тарелкам и с довольным видом принялся за трапезу.

После обеда он отвёл детей обратно в Заведение для начинающих учеников, а сам вернулся в общежитие, чтобы собрать нужные для занятий вещи. Выйдя из комнаты, он увидел, как из двери напротив выходят Чжан Вэньхай и Фан Цзиньян.

— Вы?..

— Брат Чу, я уговорил однокашника из этой комнаты поменяться местами. Так мы будем жить ближе и сможем вместе обсуждать учёбу.

— Да, брат Чу, вот и я набрался наглости и переехал, — сказал Чэнь Цзыфан, тоже выходя из той же комнаты.

«Что ж, — подумал Чу Цы, — держаться вместе не так уж и плохо»

Вот только о ленивых утрах, когда можно было спать до рассвета, теперь придётся забыть. Эта компания ему спуску не даст!

Разговаривая, они дошли до классов для готовящихся к провинциальным экзаменам. Можно было с уверенностью сказать, что в эти учебные помещения было вложено больше всего денег во всём уездном училище.

Всего было три двора. Класс Цзя, занимавший первый двор, был самым престижным. Его ученики не только располагали просторными помещениями, но и ежемесячно получали стипендию в восемь цяней серебра на ламповое масло и свечи. Да и прочие блага были на высшем уровне.

Во втором дворе располагался класс И, где ученикам полагалось четыре цян стипендии, а условия были немногим скромнее. Класс Бин, находившийся в третьем, последнем дворе, не получал ничего, и даже угля зимой им выделяли меньше, чем первым двум.

Такая система разделения на сильные и слабые классы, а также стипендии, поначалу вызвала много нареканий. Но она оказалась невероятно действенной для мотивации учеников, поэтому, несмотря на возражения, её всё же внедрили, и теперь такая политика была нормой во всех серьёзных учебных заведениях.

Фан Цзиньян и Чэнь Цзыфан отправились в класс Цзя, а Чу Цы и Чжан Вэньхай — в последний двор. Когда они пришли, класс был уже почти полон, оставалось лишь несколько свободных мест в последнем ряду.

Они опоздали, так что винить было некого. Чу Цы и Чжан Вэньхай сели за соседние столы.

— Эх, вот ведь позор-то! Сидел себе в высокомерном классе Цзя, а теперь скатился до Бина. И что толку от острого языка, а, парни? — нарочито громко рассмеялся Чжу Цзе, обращаясь к соседу, но явно целясь в Чу Цы.

В прошлый раз его попытка унижить Чу Цы закончилась тем, что тот его ударил. А потом юноша ещё и выкрутился перед главой академии со своей байкой про башню сокровищницы иероглифов, из-за чего наказали самого Чжу Цзе. Он не только потерял лицо, но и получил нагоняй от Ци Сюя.

И вот теперь он оказался в классе Бин, на его территории. Он поклялся, что не будет носить фамилию Чжу, если не выживет этого выскочку из училища!

Чу Цы, сидевший сзади, лишь слегка улыбнулся, не собираясь опускаться до его уровня. Чжан Вэньхай не знал всей подоплеки, поэтому не связал слова Чжу Цзе с Чу Цы, но резкий тон этого книжника вызвал у него неприятное чувство.

— Эй, ты, брат Чу! Что молчишь? Я тебя за живое задел, и возразить нечего? — не унимался Чжу Цзе, вскакивая с места и прямо обращаясь к Чу Цы, когда тот не удостоил его вниманием.

Юноша не хотел ввязываться, но раз уж его вызвали по имени, отсиживаться в тени было бессмысленно.

— Так это вы ко мне обращались, брат Чжу? А я, видя, что вы смотрите на соседа, подумал, что речь о нём. Прошу прощения за невнимательность. Что до ваших слов, то, с вашего позволения, я не могу с ними согласиться. Но, как гласит ритуал, «не говори того, что не подобает», а я не желаю затевать пустой спор. Поэтому я промолчал, а не потому что мне нечего было сказать, — ответил Чу Цы, глядя на Чжу Цзе со снисходительным выражением лица, словно взрослый на капризного ребёнка.

— Я так и знал! Такой остряк, как брат Чу, наверняка приготовил целую речь, чтобы мне возразить, — холодно усмехнулся Чжу Цзе. — Только разве я не прав? Разве это не позор — скатиться из класса Цзя в класс Бин?

— Ха-ха, вы считаете позором оказаться в классе Бин, а я считаю позором стыдиться этого. Разве в жизни всё всегда идёт гладко? Неудачи случаются. Если каждый раз терзаться стыдом и досадой, не растратим ли мы драгоценное время? Куда правильнее обратить этот стыд в движущую силу, что заставит нас учиться ещё усерднее и упорнее. Лишь это — истинный путь, — произнёс Чу Цы с праведным негодованием, и его слова нашли отклик у многих учеников.

Некоторые из них перевелись из класса И, другие с самого начала были в классе Бин. При встрече с учениками из классов Цзя и И они невольно чувствовали себя униженными, что сказывалось и на их учёбе. Они уже не верили, что могут с кем-то соревноваться, и стремились лишь к тому, чтобы удержаться в классе Бин и не быть отчисленными.

Но сегодняшние слова юноши прозвучали как оглушительное прозрение, заново разжигая в их сердцах угасшее пламя честолюбия.

<http://bllate.org/book/15354/1428535>